Н. С. ДЕМКОВА

Творческая история Жития протопопа Аввакума *

Житие протопопа Аввакума долгое время было известно в трех редакциях (вслед за изданием Я. Л. Барскова в Русской исторической библиотеке называем их *А*, *Б* и *В* [1]), а около 20 лет назад В. И. Малышевым была найдена еще одна, четвертая по счету, особая редакция Жития, сохранившаяся в так называемом Прянишниковском списке. [2]

Различия всех четырех редакций между собой иногда очень существенны. Однако до сих пор эти различия не были предметом особого исследования, не были проанализированы ни в связи с изменением художественного замысла Жития, ни в связи с эволюцией приемов повествования Аввакума.

Первая попытка соотнесения текста редакции Жития была предпринята Я. Л. Барсковым.

Кратко характеризуя при издании три редакции Жития — *А*, *Б*, *В* — и отмечая изменения в них текста, Я. Л. Барсков делал вывод о первоначальности текста *А*, сохранившегося в автографе, и названного им первой редакцией памятника; впоследствии этот текст был «сильно сокращен» и заново переработан — так возникла вторая редакция *Б*, третья редакция *В* характеризуется большими дополнениями и распространениями текста.

Время создания всех редакций Жития Я. Л. Барсков определял одним и тем же промежутком времени — между 27 июля 1672 и 19 апреля 1673 г. (даты патриаршества Питирима); возникновение редакций объяснялось «любовью» Аввакума к «русскому природному языку», а также тем обстоятельством, что Аввакум рассылал свои сочинения разным адресатам. [3]

---

* Основные положения статьи были изложены в докладе «К вопросу о первоначальной редакции Жития Аввакума» на заседании Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР 15 мая 1968 г., подробно рассмотрены в кандидатской диссертации «Житие протопопа Аввакума. Творческая история текста», защищенной 12 июня 1969 г. (см.: Автореферат. Л., 1969, 20 стр.) и в подготовленной к печати монографии на ту же тему.

[1] Памятники старообрядчества XVII в., кн. I, вып. I, Л., 1927. Русская историческая библиотека, т. 39 (далее: РИБ).

[2] См.: В. И. Малышев. 1) Заметка о рукописных списках Жития протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951, (далее: Малышев, Заметка), стр. 381—382; 2) издание текста в кн.: Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. Под редакцией Н. К. Гудзия. ГИХЛ, М.—Л., 1960 (далее: Житие, ГИХЛ), стр. 305—343.

[3] РИБ, стр. VII—XI.

Точка зрения Я. Л. Барскова была принята всеми последующими исследователями Жития; П. Паскаль,[4] В. Е. Гусев,[5] А. Н. Робинсон[6] те же редакции Жития называют первой, второй и третьей и высказывают мысль о постепенном совершенствовании Жития от редакции к редакции.

Объяснение движения текста его «совершенствованием» вызывает целый ряд недоуменных вопросов. Если в редакции *Б* Аввакум стремится улучшить повествование, сделать его более сжатым, быстрым (как считает Паскаль), то почему он вместе с тем и распространяет его в ряде случаев, причем за счет эпизодов, второстепенных в художественном и смысловом отношении: в редакции появляется «дополнительное» описание борьбы с «бесами» больной жены мезенского воеводы Цехановицкого, и нет важнейшего эпизода — благословения Настасьей Марковной Аввакума на подвиг — на борьбу с «никонианами». Почему в этой «второй» редакции исчезает «приступ» к Житию — молитва к троице, с просьбой «управить ум» и «утвердить сердце» писателя? Как объяснить появление в этой редакции «плача» Аввакума о сыне Морозовой, если он отсутствовал в предшествующей редакции — *А*, где о смерти Ивана Глебовича уже упоминалось?

Спорным является и утверждение о более «совершенном» виде редакции *В*, последней из трех авторских редакций Жития; нам представляется, что она во многом уступает редакции *А*; не ясно, какое место занимает среди других редакций памятника редакция Прянишниковского списка, и т. д.

Совершенно очевидно, что вопрос о соотношении редакций Жития нуждается в тщательном исследовании, и, объяснив движение текста Жития, мы разберемся в самом механизме его творческой композиции.[7]

Оставляя пока в стороне характеристику Прянишниковского списка и редакции *Б*, датировка которых и временное соотношение с текстами *А* и *В* пока совсем не ясны, остановимся на выяснении соотношения довольно строго датируемых текстов — автографов *А* и *В*. Редакции *А* и *В*, несомненно, представляют собой два особых этапа творческой работы Аввакума над текстом своей автобиографии.

Редакция *А* сохранилась в автографе в составе знаменитого Пустозерского Дружининского сборника (БАН, собр. В. Г. Дружинина № 746 (790), лл. 188 об.—285 об.)[8] и в многочисленных списках (известно еще 20 полных списков редакции и два фрагмента).[9]

---

[4] P. Pascal. Avvakum et les débuts du rascol. Paris, 1938 (далее: P. Pascal, Avvakum), pp. 487—488; см. также: La vie de l'archiprêtre Avvakum, traduites du vieux russe avec une introduction et des notes par Pierre Pascal. Paris, 1960 (далее: Pascal. La vie), pp. 30—38.

[5] В. Е. Гусев: 1) Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII в. — В кн.: Житие, ГИХЛ, стр. 32; 2) Заметки о стиле Жития протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 274—275.

[6] А. Н. Робинсон. Жизнеописания Аввакума и Епифания. М., 1963 (далее: Робинсон. Жизнеописания), стр. 56, 134.

[7] Целью данной статьи является рассмотрение только основных моментов взаимоотношения редакций Жития; более полная аргументация, которая не могла быть здесь изложена из-за ограниченного объема статьи, подробно рассматривается в специальном исследовании на ту же тему.

[8] Подробное описание рукописи см.: В. Г. Дружинин. Пустозерский сборник. — В кн.: Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1914 (ЛЗАК, т. XXVI).

[9] См. об этих списках: РИБ, стр. VII—VIII; В. И. Малышев: 1) Заметка, стр. 382—383. — Местонахождение одного из списков (списка из собр. А. С. Мар-

А. Н. Робинсон, изучив и издав разночтения 10 списков редакции *А*, не изданных в РИБ, пришел к выводу, что эти списки в конечном счете восходят к тексту Дружининского сборника: они воспроизводят все редакторские поправки Епифания, внесенные им в автограф Жития.[10] Изучение списков редакции, предпринятое мной, в том числе и трех новых списков, тогда еще не найденных,[11] подтверждает вывод А. Н. Робинсона. Среди известных текстов редакции *А* не обнаружено переходных форм — новых авторских вариантов редакции. Все тексты почти идентичны, разночтений немного: писцы старались точно копировать текст Жития (можно отметить только три своеобразных списка редакции: ГБЛ, собр. Е. В. Барсова № 970 (подновляющий текст), ИРЛИ, Усть-Цилемское собр. № 48 (переработка начала Жития) и БАН, собр. В. Г. Дружинина № 59(83), где текст редакции *А* был частично дополнен по какому-то списку редакции *Б*).

Редакция *В*, так же как *А*, сохранилась в автографе в недавно найденной И. Н. Заволоко рукописи — в новом Пустозерском сборнике (ИРЛИ, ОП, опись 24, № 43, лл. 1—115 об.).[12] Все остальные списки редакции *В* (их известно еще 6),[13] как показывает сравнение текстов, также восходят к этому автографу (правда, с некоторыми композиционными перестановками), следовательно, для характеристики редакции в целом также можно использовать только текст автографа.[14]

Когда была написана редакция *А*?

Наиболее основательный анализ данных, датирующих текст Жития, был сделан П. Паскалем.[15] Приведем его соображения полностью, так как до сих пор они еще не были рассмотрены в специальной литературе.

Дату редакции *А*, пишет Паскаль, установить легко:

1) terminus a quo — в тексте автографа сообщается (л. 262 об.), что у Лазаря вырос язык через «два года» после пустозерской казни 14 апреля 1670 г.; это значит, что отрывок этот написан после 16 (так, — *Н. Д.*) апреля 1672 г.

кова) в настоящее время неизвестно; 2) Сочинения протопопа Аввакума в собрании Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. — ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957 (далее: Малышев, ТОДРЛ, т. XIII), стр. 584—585; 3) Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, стр. 101—102; 4) Сочинения протопопа Аввакума в собрании Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. — ТОДРЛ, т. XXIII, М.—Л., 1968, стр. 323; Робинсон. Жизнеописания, стр. 111.

[10] Робинсон. Жизнеописания, стр. 115.

[11] Это списки из собр. Ярославского краеведческого музея № 798, ИРЛИ АН СССР, Текущие поступления № 81 и № 96; все они указаны мне, как и многие другие списки Жития, В. И. Малышевым, их нашедшим, за что я приношу ему самую глубокую благодарность.

[12] Об открытии И. Н. Заволоко, о характеристике сборника и автографа Аввакума см.: Н. С. Демкова. Уникальный автограф Жития Аввакума. — Вопросы языкознания, 1969, № 1, стр. 127—130.

[13] О списках редакции см.: РИБ, стр. VIII; Малышев. Заметка, стр. 380, 384—385.

[14] Сопоставление списков с автографом обнаруживает существование двух рукописных традиций воспроизведения текста Аввакума: одна восходит непосредственно к сборнику Заволоко, дословно копируя его текст (это рукописи ГБЛ, собр. Е. В. Барсова № 200, ГПБ, собр. ОЛДП, Q.730, ГПБ, собр. А. А. Титова № 4218), другая отражает следы осторожной, но последовательной правки (это рукописи БАН, собр. В. Г. Дружинина № 245 (291), БАН, собр. А. Е. Бурцева № 10, утерянная рукопись Казанской духовной академии № 1679). Именно этот, слегка измененный текст редакции *В* и был известен науке по изданиям А. К. Бороздина и Я. Л. Барскова.

[15] Pascal. La vie, pp. 36—38.

2) Аввакум писал (л. 197 об.), что он «двадцать лет» уже имеет сан протопопа; если к марту или апрелю 1652 г.[16] прибавить 20 лет, получим март (или апрель) 1672 г.

3) Аввакум писал (л. 218 об.), что его дочери Аграфене уже 27 лет. Так как известен год рождения Аграфены (1645), и, вероятно, день — 16 июня (так как память святой Агриппины празднуется 23 июня), то 27 лет ей исполнилось 16 июня 1672 г

Эта последняя дата — terminus ad quem. Другие датирующие элементы текста не столь существенны, полагает П. Паскаль. Его вывод: «создание редакции *А* относится ко второй половине 1672 года».

Заметим, что П. Паскаль недостаточно строг в выборе датирующих элементов: его первый и второй аргументы имеются в текстах и двух других редакций и поэтому имеют отношение и к ним; они входят в общий для всех трех редакций первоначальный слой повествования. В то же время Паскаль чересчур категоричен: указания на время, которые делает сам Аввакум, — не точно календарные, а приблизительные; он с легкостью мог употребить выражение «два года» для обозначения времени, скажем, зимы 1671/72 г. (к этому времени прошло около двух лет) и др. Но Паскаль прав в том, что событие с Лазарем действительно является нижней границей создания этих редакций Жития. При анализе датирующих текст сообщений, повторяющихся, однако, в других редакциях, естественно, нужно выбрать только такие, которые являются индивидуальными указаниями данной редакции.

Таким сообщением в редакции *А* является известие о возрасте дочери Аввакума: оно ограничивает время создания этой редакции временем до 16 июня 1673 г., когда Аграфене исполнилось уже 28 лет. Недоказанным остался конечный вывод Паскаля: дата редакции *А* — вторая половина 1672 г. А может быть, первая половина 1673 г., до 16 июня? С этим предположением как раз согласуется еще одно датирующее сообщение редакции *А*, причем сообщение индивидуальное, присущее только ей, которое Паскаль считал ошибкой: на л. 234 Аввакум заметил, что страдает от «никониан» 20 лет. Так как Аввакум был взят под стражу в августе 1653 г., а преследование и споры начались несколько раньше, то можно предположить, что Аввакум писал эти строки в первой половине 1673 г.

Таким образом, на основании рассмотренных сообщений Аввакума редакцию *А* его Жития можно датировать первой половиной 1673 г.

Точно известно и время создания редакции *В* по отношению к *А*: она была написана позже, через несколько лет. В «предисловии» к Житию этой редакции — в обращении к «питомникам церковным» — Аввакум сообщает: «...предлагаю житие свое от юности и до лет пятьдесят пяти годов» (153—154).[17] Это значит, что «предисловие», как сосчитал уже П. С. Смирнов, было написано в 1675—1676 гг. (за год рождения Аввакума он принимал — 1620 или 1621 г.). Однако эту дату Смирнов не считал возможным распространить на весь текст редакции в целом, так как в ее тексте есть выражения, противоречащие такой датировке (например, сообщение Аввакума о получении им сана протопопа «двадцать лет» назад, что датирует этот текст 1672 годом, и др.), и полагал, что редакция

---

[16] Аввакум получил сан протопопа не ранее как в начале 1652 г., см.: П. С. Смирнов. [Рецензия на кн. А. К. Бороздина «Протопоп Аввакум», СПб., 1898]. — ЖМНП, 1899, январь, ч. 321 (далее: Смирнов, Рецензия), стр. 255.

[17] Цифры в скобках означают столбцы издания Жития в РИБ; при цитировании рукописных текстов или других изданий источник указывается особо.

была составлена около того же 1672—1673 г., а дата 1675—1676 гг. может относиться только к «предисловию».[18]

Датировка П. С. Смирнова была поддержана Я. Л. Барсковым («По всей вероятности, протопоп, посылая один из списков Жития, в предисловии выставил новейшую дату, а в тексте оставил старые без изменения»),[19] П. Паскалем[20] и А. Робинсоном («...это редакция, составленная в основной своей части ранее, вскоре вслед за первой, была обработана в качестве послания „чаду" в 1675—1676 гг. ... до того, как в Пустозерске стало известно о смерти царя (30 января 1676 г.)»).[21]

Мне кажется неправомерным отделять время написания предисловия от написания основного текста редакции. Во-первых, как будет рассмотрено ниже, «предисловие» тесно связано с замыслом редакции в целом, а, во-вторых, никак не может быть оспорен тот факт, что Аввакум сам переписал весь текст редакции, и если он при переписке ставил старые даты, не соотнося их с настоящим моментом, то на то была его авторская воля. Ко времени написания «предисловия» следует относить и окончательную редакторскую работу Аввакума над всем текстом.

Факт, на который следует обратить внимание при датировке *В*, это отсутствие в тексте редакции упоминания о смерти боярыни Морозовой. Как и в двух других редакциях (*А* и *Б*), Аввакум писал здесь: «...А дочь-ту мою духовную, Федосью Морозову, и совсем разорили, и сына ея Ивана Глебовича уморили» (200).

Известно, какое сильное впечатление произвела на Аввакума смерть Ф. П. Морозовой (2 ноября 1675 г.), им было написано специальное «Слово плачевное», выразившее всю глубину горя и душевного смятения, и поэтому невозможно предположить, чтобы Аввакум по «недосмотру» оставил в тексте такие старые факты, не соотнеся их с настоящим моментом. На это обратил внимание уже П. Паскаль, и это наблюдение позволяет считать, что редакция была создана в 1675 г., до начала зимы.

Редакция *В* несомненно является «распространенной» редакцией Жития. Даже благословение Епифания, его «понуждение», становится в этой редакции много пространнее и торжественнее.[22]

Много объемнее и больше по сравнению с *А* (и *Б*) становится здесь вступление к Житию: оно начинается с пересказа «Поучения о любви» аввы Дорофея, обращенного к «питомникам церковным», и сопровождается рисунком Аввакума,[23] а затем продолжается обращением Аввакума к «чаду возлюбленному Алексею», непосредственному адресату этой редакции.[24]

Вслед за этим вступлением идет текст Жития, известный в начальной своей части по редакции *А*.

Но текст близок редакции *А* только в самом начале. Повествование Жития в редакции *В* все время обрастает новыми подробностями, эпизодами, припоминаниями. Воспоминания о братьях, о «бесноватом» из Ха-

---

[18] См.: Смирнов, Рецензия, стр. 264—265.

[19] Я. Л. Барсков. Предисловие к Житию протопопа Аввакума. — РИБ, стр. X.

[20] Pascal. La vie, pp. 37—38.

[21] Робинсон. Жизнеописания, стр. 128.

[22] Ср. РИБ, 152.

[23] Подробнее о рисунке Аввакума и его воспроизведение см.: Н. Черников. Книжница старой Руси. — Неделя № 21 (429) от 19 мая 1968 г., стр. 20.

[24] Рукопись Заволоко показывает, что обращение Аввакума к читателям и его похвала русскому «природному» языку — не начало Жития, как принято было считать раньше в соответствии с текстом одного из поздних списков — казанского, а самостоятельный фрагмент его сочинений, находящийся вне Жития (Подробнее см.: Н. С. Демкова. Уникальный автограф Жития Аввакума, стр. 129).

мовников, о княгине Хилковой в Тобольске, дополнительные повести в конце Жития о «чудесах» и другие эпизоды делают текст этой редакции самым пространным и подробным.

Сопоставление редакции *В* с *А* обнаруживает в Аввакуме все того же мастера словесного изображения, некоторые новые сцены в Житии достигают необычайной выразительности (эпизоды на озере Шакше, например). Но одновременно в редакции усиливается дидактическое начало.[25]

Редакция *В* становится строже в отборе фактов: не все эпизоды, написанные ранее, попадают теперь в Житие: в редакции отсутствует рассказ о сомнениях Аввакума в возможности дальнейшего обличения «никониан», возникающих у него при возвращении из сибирской ссылки (диалог с Настасьей Марковной), нет рассказа о «замотае», которого обманным путем Аввакум вывез на Русь. Хотя уже в редакции *А* сослался Аввакум на аналогичный библейский пример обмана и получил прощение духовного отца инока Епифания, но в редакцию *В* этот рассказ не попал. Полностью переделывается в редакции *В* рассказ Аввакума о встрече с иноземцами на Оби, с которыми Аввакум начал «лицемеритца».

Новые тексты в редакции *В* заметно усиливают агиографическую стилизацию произведения. Не только специальные богословские статьи («О причастии»,[26] «О сложении перст», «О жертве никонианской») вводятся в текст Жития, текст его распространяется за счет увеличения библейских цитат и соответствующих сентенций. Так, например, рассказывая о возвращении из Даур, когда он один, без войска Пашкова, безоружный, вынужден был ехать среди «иноземцев», Аввакум приводит соответствующие цитаты из посланий апостола Павла и псалмов, долженствующие показать суетность человеческих помыслов о смерти, в то время как всю надежду следует возложить на бога, и т. д.

В редакции *В* можно уловить определенную агиографическую стилизацию и в изображении главного героя Жития. Если в редакции *А*, рассказывая о своем уходе из Лопатиц, Аввукум кратко сообщал: «Аз же, взяв клюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп каженика древле» (11), то в редакции *В* это описание превращено в изображение ухода подвижника: «Аз же, взяв клюку, а мать — некрещенова младенца, пошли з братьею и з домочадцы, амо же бог наставит, а сами, пошед, запели божественныя песни, евангельскую стихеру большим роспевом: „На гору учеником идущим, за земное вознесение предста господь, и поклонишася ему“, всю до конца, а пред нами образ несли. Певцов в дому моем было много, поюще со слезами, на небо взираем, а провождающии жители того места, мужи и жены, и отрочата, множество народа, с рыданием плачюще и сокрушающе мое сердце, далече нас провожали в поле. Аз же, на обычном месте став, и хвалу богу воздав, поучение прочет, и, благословя, насилу в дом их возвратил, а з домашними впредь побрели, и на пути Прокопья крестили, яко каженика Филипп древле» (164—165).

Таким образом, рассматривая текст *В*, можно обнаружить определенную сознательную систему переработки предшествующего текста, явное стремление Аввакума к «житийному» колориту. В эту систему «ложится» и дополнительное богословское вступление к Житию, и включение в текст Жития статей, ранее существовавших отдельно, вне Жития

---

[25] Краткая характеристика этой редакции как «дидактической» есть у П. Паскаля (P. Pascal. Avvakum, p. 487) и А. Н. Робинсона (A. Robinson. Avvakum et Dorothée. — Revue des études slaves, t. 38. Paris, 1961 (Mélanges Pierre Pascal), p. 167).

[26] Основной текст статьи «О причастии» частично имелся уже в редакции *А*, но в ином месте — не в конце Жития, а в ряду сибирских воспоминаний Аввакума.

(«О сложении перст», «О жертве никонианской»), обильное уснащение текста библейскими цитатами и их истолкованием. Вспомним, что между созданием редакций *А* и *В* лежали годы заключения Аввакума в темнице и его усиленная работа над богословскими сочинениями: в 1673—1674 гг. создается его «Книга бесед», в 1673—1675 гг. — основная часть «Книги толкований». Аввакум пишет этот текст Жития в то время, когда сам ощущает себя «святым»: Христос «избра нас и вас, — пишет он боровским узницам в 1675 г.,[27] — быти нам святым» (405—406). Поэтому и называет он здесь, во вступлении, свое Житие «книгой живота вечнаго». На его Житие падает отблеск того ореола мученичества и святости, который уже мерцает над самим Аввакумом. В том же послании Аввакум пишет далее: «Бог... возлюби нас с вами и призва на дело свое стояти... твердо и непоколебимо за упование вечныя жизни... Тем же к тому несть странну и пришелцы, но сжители святым русским, и приснии богу, создани есте на сие дело, сже есть по Христе страдати...» (407).

Аскетические настроения Аввакума все усиливались с годами, и после 1675 г. он уже не обратится к теме Жития.[28]

Параллельно в редакции *В* заметно усиливаются бунтарские чувства Аввакума, растет его злоба на мучителей-«никониан» (иначе описывается его заключение в Братском остроге, в Пафнутьевом монастыре, усиливается натурализм описаний в сцене пустозерских казней — текст даже был впоследствии заклеен Епифанием и заменен сценой «чудесного» «забвения» во время казни и др.), часто вырываются гневные реплики. Здесь в полную меру начинают проявляться те настроения Аввакума, которые характерны для сочинений последних лет его жизни — отказ от христианского прощения «властей», угроза «безумному царишке» адскими муками (ср. челобитную царю Федору Алексеевичу, «Беседу о кресте» и др.). Таким образом, текст *В* — определенный этап идейной и литературной эволюции Аввакума.

Что же представляет собой текст редакции *Б*, когда он создается и каково его место в ряду других редакций Жития?

Автограф редакции *Б* нам неизвестен, текст редакции существует только в списках (вместе с отрывками их известно 17).[29]

Полное изучение рукописной традиции редакции позволило впервые установить наличие двух видов ее текста, условно названных $Б_0$ и $Б_1$ (его вариант — текст $Б_2$). Большинство списков редакции (12 списков) содержит текст, известный по изданию РИБ, назовем его основным видом редакции ($Б_0$).

Изучение текста этих 12 списков $Б_0$ обнаружило существование четырех групп списков, каждая из которых самостоятельно восходит к протографу. Лучше всего текст $Б_0$ передает список ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова № 721, но и каждая из групп списков, восходя непосредственно

[27] О датировке послания см. L. Radoyče, комментарий в кн.: Vita dell'arciprete Avvakum, Torino, 1962, p. 284.

[28] До нас дошло много произведений последнего периода жизни Аввакума, и это — в основном сочинения, посвященные вероисповедным вопросам («Книга обличений», «Беседа о кресте» и др.). В конце 70-х годов резко меняется тон даже писем и посланий Аввакума: он все больше замыкается в кругу аскетических настроений и богословских проблем. Даже само воспоминание о «старом», мирском «житии» воспринимается им в эти годы как «беда», грех. См. вновь найденный И. М. Кудрявцевым текст послания Аввакума старице Каптелине: «А как... маленько оплошись, так беда тогда случается. Миршины захочю или ризами себя украсить, да старое-то житие на ум набредет, как с друзьями важиваноcь, пито, да едено, да плясывано» (публикация подготовлена к печати В. И. Малышевым и Н. С. Демковой).

[29] О списках редакции см.: РИБ, стр. VIII—IX; В. И. Малышев: 1) Заметка, стр. 384—385; 2) ТОДРЛ, т. XIII, стр. 584.

к протографу основного вида редакции, сохранила отдельные архетипные чтения.

Другой, особый вид редакции сохранился очень плохо; он известен в единственном дефектном списке, представляющем собой к тому же переделку Жития позднейшим редактором (ЦГАДА, собр. библиотеки бывшего Главного архива Министерства иностранных дел (ф. 181) № 899/1539, лл. 1—128, далее — *Ар*, список конца XVII—начала XVIII в.);[30] в отрывках из начальной части Жития в трех списках сохранился его стилистический вариант $Б_2$ (списки Ярославского краеведческого музея № 15 106 (965), лл. 70—87 об. (конец XVII в.), № 15 367 (121), лл. 159—167 (60-е годы XVIII в.), ИРЛИ АН СССР, ОП, оп. 24, № 16, лл. 120—129 (XX в., так называемый Великановский список). Сопоставление текстов этих фрагментов с *Ар* убеждает в их близости к *Ар*, но вместе с тем эти три списка имеют ряд специфических для них чтений, что и позволяет рассматривать их как стилистический вариант того же текста.

Основное направление переделки текста Жития в списке *Ар* заключалось в замене автобиографического, личного повествования повествованием от 3-го лица. Иногда замена первого лица третьим сочеталась с агиографической стилизацией текста (например, в Житии: «И я рек: востани!», в *Ар*: «Блаженный же рече: востани!», и др.). Строго следил неизвестный редактор за просторечными, грубоватыми оборотами стиля Аввакума, исключая из текста или заменяя в нем все то, что смущало его редакторское ухо (например, в Житии: «Аз же, треокаянной врач, сам разболеся», в *Ар*: «Он же сам разболеся», и т. д.). По-видимому, редактором текста $Б_1$ в списке *Ар* был сам переписчик, так как список сохранил следы правки, предпринятой непосредственно в этой рукописи (непоследовательно проведена замена первого лица третьим, иногда формы первого лица исправлялись здесь же, в тексте). Эта близость списка *Ар* к исходному тексту — к $Б_1$, и делает данные *Ар*, несмотря на ряд стилистических исправлений в нем текста Жития, весьма важными для суждения о тексте $Б_1$.

Главное отличие $Б_1$ (и $Б_2$) от $Б_0$ заключается в большем объеме вступления к Житию: в тексте вступления здесь читается не только молитва Аввакума троице, отсутствие которой в текстах редакции *Б* обычно рассматривается как особая текстологическая примета редакции, но и «Гимна о пресвятей богородице», специальное богословское сочинение Аввакума, известное и в отдельных списках.[31] В сюжетном отношении $Б_1$ весьма близок $Б_0$, однако много короче его: список кончается вместе с концом «сюжета» Жития — узники, заключенные в земляную тюрьму, поют «хвалу церкви»; в списке нет ни дополнительных рассказов о «чудесах» Аввакума, ни обличения «никониан», ни обращения к «правоверным» и Епифанию. Отсутствует в $Б_1$ и еще ряд фрагментов: например, здесь нет заголовков «О рождении», «О Никоне», имеющихся в $Б_0$, нет рассказа о черной «курочке», кормившей в Сибири семью Аввакума, и др.

Сопоставление текстов $Б_0$ с $Б_1$ (и $Б_2$) показало, что оба вида не зависят друг от друга, а самостоятельно восходят к архетипу редакции *Б*. Так, список *Ар* исправляет чтения текста $Б_0$, испорченные во всех спис-

---

[30] Текст *Ар* — кое-где испорчен, имеет явные дефекты, пропуски: «Приходи к богородице-свету, исповеждь славнее || дникы (так! — *Н. Д.*) пред образом пречистыя...» (л. 5 — место «[праз]дникы»; «...выписано, || няйся всегда в землю...» (л. 6) — вместо «[кла]няйся всегда в землю», «золотая шуба» вместо «золо́тная» и др.

[31] См. РИБ, стлб. 685—688.

ках $Б_0$ (чтения $Ар$ в этом случае соответствуют тексту редакций $А$, $В$ и Прянишниковскому списку). Сравним тексты.

$Б_0$	$Ар$
По переносе меня стригли и бороду обрезали. Дети, чему быть? Волки то есть... (123).	По переносе меня стригли и бороду отрезали, вражии дети! Чему быть? Волки то есть..
...раненова от муглинских людей увел (116).	...раненова от мунгалских людей увел
А власти, яко пестрыя козы, разширя хвост, прыскать на меня стали (121).	А власти, яко пестрыя козлы, разширя хвост, прыскать на меня стали.

Существенной особенностью текста $Б_1$, по сравнению с $Б_0$, является наличие в нем ряда таких чтений, общих с редакциями $А$ и $В$ (в тексте $Б_2$, несмотря на его незначительный объем, этих чтений еще больше), которые не восходят, однако, к архетипу редакции $Б$, а являются специфическими особенностями именно данного текста.

Сравним следующие чтения.

> $А$ (так же $В$): «Приидоша в село мое плясовые медведи з бубнами и з домрами» (11, 165);
>
> $Б_0$: «Приидоша в село мое скоморохи с медведьми и з бубнами и з домрами» (93; сходно в остальных списках);
>
> $Б_1$, в списке $Ар$: «Приидоша в село его плясовые медведи и з бубнами и з домрами»; $Б_2$ в ЯКМ 965: «Приидоша в село мое плясовые с медведи и бубнами и з домрами»

Текст $Б_1$ сближает с $А$ и $В$ также и отсутствие в нем пояснения, сохранившегося только в $Б_0$: «Сердитовал на меня за церковную службу: ему хочется скоро, а я пою по уставу, не борзо, так ему было досадно» (92). Одинаков с $А$ сокращенный тип заимствования из Псалтыри в молитве троице и др.

Характер этих отступлений от архетипных чтений редакции позволяет определить текст $Б_1$ (и его разновидность $Б_2$) как стилистический вариант редакции $Б$.

Принято думать, что $Б$ — вторая после $А$ редакция Жития. Сопоставляя факты редакции $Б$, которые могут рассматриваться как датирующие, П. Паскаль приходил к выводу, что они полностью, без изменений соответствуют $А$. Но в то же время Паскаль полагал, что редакция «была написана некоторое время спустя после первой, в конце 1672 или начале 1673 г.».[32]

Действительно, индивидуальных хронологических приурочиваний редакция $Б$ не имеет, но в ней есть слой известий, общий для всех трех редакций, а он не выводит редакцию $Б$ за пределы 1672 г. (упоминание о Лазаре, у которого «вырос язык» через два года после пустозерской казни, и о том, что Аввакум уже «двадцать лет» имеет сан протопопа). Более того, в редакции $Б$ отсутствует известие $А$, указывающее на 1673 г. (известие о мучениях Аввакума от «никониан» в течение «20 лет»), известие о казни инока Авраамия, совершившейся в Москве летом 1672 г., и др.

Для определения времени написания $Б$ обратим также внимание на изменение текста Жития, повествующего о боярыне Ф. П. Морозовой, ее сестре Е. П. Урусовой и о смерти ее сына — И. Г. Морозова. Редакцион-

[32] Pascal. La vie, p 37.

ные изменения коснулись и подробностей, сообщаемых о них Аввакумом, и самого тона повествования.

В редакции Б говорится о том, что Ф. П. Морозову «совсем разорили и сына у нея уморили, а она в монастыре под началом» (одинаково в $Б_0$ и в $Б_1$). О Е. П. Урусовой сообщается, что ее «от мужа и от детей отлучили». Специальный текст в *Б* выражает сожаление Аввакума о смерти сына Морозовой — юного Ивана Глебовича, и одновременно утешает всех сокрушающихся о нем: «Пускай Христос своих собирает к себе! Умер же бы Иванушко всяко, а то мученик Христов, Морозовых бояр. Исповедал ево, света, в темнице, на Москве бывше, и причастил тела Христова, яко непорочнаго агнца. Добро, полно тово. Любо мне, что за Христа умирают, я их тому и учил. Что по них и тужить?» (124—125).

В редакции *А* читаем одинаковое с *Б* известие о разорении Морозовой и о смерти ее сына, но здесь нет упоминания о том, что боярыня находится в «монастыре под началом», а кратко сообщается: «и ея мучат». Зато в *А* имеется новая подробность о Евдокии Урусовой: ее «бивше батогами», «с мужем развели, а ево, князь Петра Урусова, на другой, де, женили». Никаких рассуждений о смерти Ивана Глебовича Морозова в *А* нет.

Кажется, что подробности, сообщаемые *А*, — это подробности текста, написанного позже, чем *Б*: если подробности *Б* сюжетно связаны с начальным этапом мучения Морозовой и Урусовой (известно, что после их ареста 16 ноября 1671 г. «вскоре» умирает сын Морозовой — в конце 1671 г. или в самом начале 1672 г., а дом и все хозяйство Морозовой разоряются), то в *А* нарастают детали следующего периода их испытаний: Евдокию «бивше батогами», до Аввакума дошли слухи не только о разлучении Е. П. Урусовой с семьей, но и о женитьбе П. С. Урусова, что, по-видимому, не могло быть сразу же после ареста сестер 16 ноября 1671 г., так как еще патриарх Питирим, ставший патриархом только 7 июня 1672 г., просил царя вернуть Е. П. Урусову мужу,[33] что было бы невозможно, если князь Урусов уже был женат вторично.[34]

Особыми в каждой редакции являются и отступления Аввакума от изложения этих событий, его чувства и оценки.

В редакции *Б* лирическое отступление Аввакума выражает его восхищение подвигом сестер во имя веры («Красные и светлые боярони в Руской земли явились, не токмо славы, но и плоти своей в деток не пощадели, до Христа приобрящут»), и мысль о необходимости терпения («Пускай их, светов моих, мучатся Христа ради!»).

В *А* — нет восхищения тем, что они «явились», здесь имеется только вторая часть рассуждения Аввакума о необходимости терпения, значительно более разработанная (тема мучения раскрывается здесь как тема ниспосланного богом испытания), и рассуждение о дальнейшей судьбе сестер переходит в экзальтированную хвалу Христу (ср. 53).

Несомненна разница не только в фактических подробностях, но и в самом тоне повествования.

Общий эмоциональный тон и содержание лирического отступления в редакции *Б* позволяют видеть в этом фрагменте непосредственный от-

[33] Материалы для истории раскола за первое время их существования, изд. под редакцией Н. И. Субботина, т. VIII. М., 1887, стр. 177.

[34] Редакция *В* в целом передает известие о Морозовой и Урусовой так же, как и *А*, причем с подробностями именно этой редакции (Урусову «с мужем и з детьми бивше развели»), но *В* располагает и целым рядом чтений, присущих только редакции *Б*: Ф. П. Морозова и Е. П. Урусова называются здесь Аввакумом его «духовными дочерями», сын Ф. П. Морозовой назван по имени — «Иван Глебович». Текст *В* как будто объединил данные *А* и *Б*.

клик Аввакума на события конца 1671—начала 1672 г. — на известие о заключении Морозовой и Урусовой под стражу и о смерти сына Морозовой Ивана Глебовича.[35]

Таким образом, есть все основания полагать, что редакция *Б* создавалась Аввакумом в первой половине 1672 г., и что, следовательно, она предшествовала редакции *А*.

Это признание первоначальности редакции *Б* по отношению *А* поддерживается и общим направлением работы Аввакума над Житием, самим характером творческих изменений в его тексте, которые удалось обнаружить при сопоставлении редакций *А* и *В*.

Главное отличие *Б* от *А* — это отсутствие в ней ряда эпизодов, что и позволяет исследователям характеризовать ее как «краткий вид» Жития. В редакции *Б* значительно менее подробно описаны некоторые «сибирские беды» Аввакума (ср. 28 и 108—109), нет рассказа о том, как Аввакум спрятал «замотая», и соответственно нет приписки-«прощения» Епифания, нет подробного описания доброты безымянного приказчика Афанасия Пашкова, снабдившего семью Аввакума едой при возвращении их на Русь, нет сцены с Настасьей Марковной, где она благословляет Аввакума «проповедовать слово божие по-прежнему», нет описания встречи с «иноземцами» в Сибири, нет длинного воспоминания о его уединенных молитвах, нет рассказа о «чуде», свершившемся с дочерью Аввакума Аграфеной (она онемела, а потом стала порицать Аввакума за небрежное выполнение службы); нет в редакции *Б* рассказов о «духовных детях» Аввакума — юродивом Федоре и кожевнике Луке, казненных на Мезени, о казнях в Москве, нет обличения «никониан» в конце Жития, и др.

Можно ли объяснить, как это делает П. Паскаль, отсутствие этих эпизодов в редакции *Б* сокращением текста *А*? Почему, с какой целью Аввакум убирает из текста яркие, выразительные отрывки, не противоречащие общим принципам его повествования в этой редакции? Почему стремление Аввакума к сокращению текста Жития никак не проявилось на следующем этапе его работы — при создании редакции *В*, в которой Аввакум, напротив, очень сильно распространил текст? Позволю себе утверждать обратное: эпизоды Жития, отсутствующие в *Б*, просто еще не были написаны Аввакумом. Именно так шла работа Аввакума над Житием от редакции *А* к *В*: большое количество фрагментов и отдельных эпизодов, появившихся в *В*, были заново написаны Аввакумом уже после завершения его работы над *А*.

Если проанализировать характер новых эпизодов и многочисленных авторских отступлений от основного текста повествования, имеющихся в редакции *А* и отсутствующих в *Б*, то окажется, что и в этом отношении работа Аввакума над редакциями *А*—*В* может рассматриваться как аналог его работы над *Б*—*А*.

---

[35] Весьма близко к тексту редакции *Б* послание Аввакума Морозовой и Урусовой (РИБ, 923—928), где читается «плач» Аввакума об Иване Глебовиче. Послание это по традиции относят к 1674 г., однако продуманный анализ его содержания убеждает в его непосредственной связи с событиями конца 1671—начала 1672 г.: Аввакум еще ничего не знает о судьбе Морозовой; подробно, как будто о событиях недавнего прошлого, вспоминает он о ссоре Морозовой в Москве с юродивым Федором, казненным в марте 1670 г.; обращает на себя внимание отсутствие в этом послании обычного для Аввакума обращения к М. Г. Даниловой, третьей «соузнице» сестер в Боровском заключении.

Фраза Аввакума («20 лет и единое лето мучат мя»..., 926), являющаяся основанием для обычной датировки послания 1674 годом, не может рассматриваться как бесспорно указующая на 1674 г., так как в разных текстах Аввакум начинал отсчет своих мучений с разных событий (например, в «первой» челобитной Алексею Михайловичу — с событий 1647 г., см. РИБ, 725).

Действительно, все «дополнения» редакции *А* выражают различные аспекты богословских воззрений Аввакума, его комментарии истолковательного характера, наконец, примеры личной церковнослужебной практики. В редакции *А* появляются подробные описания исповеди и причащения, уединенных молитв Аввакума, рассказы о крещении им своих собственных детей и т. п., т. е. эпизоды, явно рассчитанные на практическое восприятие их читательской средой «правоверных». Не только новые эпизоды, но и те изменения, которые Аввакум вносит в текст редакции *А* по сравнению с *Б*, свидетельствуют о характере и направлении его редакционной работы. Сравним тексты.

В редакции *Б*, как и в других редакциях Жития, есть рассказ о «черненькой курочке», спасавшей в Сибири семью Аввакума от голодной смерти и доставшейся Аввакуму после исцеления им больных кур боярыни Пашковой. Рассказ о «курочке» кончается в *Б* так: «От тово племяни и нам курочка досталась» (111). В редакции *А* конец повествования о курочке «усилен» комментарием: «Да полно тово говорить. У Христа не сегодни так повелось. Еще Козма и Дамиян человеком и скотом благодействовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка, и птичка во славу его» (32). Не только в эрудиции проповедника убеждается читатель редакции *А* Жития: явственно выступает и тот ряд героев, к которому тяготеет герой «Жития» — это ряд «святых», действовавших «о Христе».

Рассказ об исцелении Аввакумом внука Пашкова (Аввакум смог его исцелить после покаяния его матери) в редакции *А* почти соответствует *Б*, но завершается частым в этой редакции обращением Аввакума: «Виждь, слышателю, покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцелила, чему быть! Не сегодня кающихся есть бог!» и т. д. Повествование в редакции *Б* более «событийное» и в меньшей степени, чем в *А*, связано с явно выраженным дидактическим заданием (т. е. редакция *А* была началом того пути, который привел Аввакума к созданию редакции *В*).

Существует и ряд чисто текстологических следов вторичности текста *А*: следы «раздвинутого» вставкой текста в описании возвращения из Сибири (43—44; ср. 119—120), двусмысленность изложения, возникающая вследствие несогласованности текстов, — эпизод ссоры с царем из-за вручения челобитной юродивым Федором (49—50, ср. 121) и др.[36]

Приметой первоначального текста в редакции *Б* может считаться и сохранение остатка евангельской цитаты в сцене суда над Аввакумом: «Возми, возми, распни его», — кричат «власти» на Аввакума, не собираясь его распинать на самом деле; так текст читается и в тексте $Б_1$ и в Прянишниковском списке, но в редакциях *А* и *В* цитата «подчищена» и осталось только необходимое: «Возми, возми!».

Таким образом, анализ хронологических и текстологических данных Жития полностью перестраивает традиционную схему последовательности возникновения редакций, согласно которой редакция *А* предшествует *Б*, и вносит существенные изменения в их характеристику.

Созданные вскоре одна за другой (1672—1673 гг.), редакции *А* и *Б* очень близки друг другу по настроениям Аввакума, отразившимся в них. Описывая историю своей жизни, Аввакум стремится найти вечный, вневременной смысл в ее событиях: равномерность чередования добра и зла

---

[36] Примеров несвязанности текста, его несогласованности, противоречий, служащих в качестве обычных текстологических «примет», в Житии Аввакума весьма мало, так как мы имеем здесь дело с авторскими редакциями текста.

в судьбе героя (идея, реализованная в самой композиции повествования), обязательность воздания за добро и зло здесь, в земной жизни; Аввакум еще полон задора борьбы, и, чувствуя свою силу, охотно прощает врагов. Время создания этих редакций — это время надежд пустозерских узников: пять лет борется с царскими войсками и не сдается Соловецкий монастырь, ширится движение раскола, интенсивная литературная деятельность Аввакума рождает сознание собственного реального участия в продолжающейся борьбе — «А нынешнюю зиму потерпите толко маленко», — пишет Аввакум семье на Мезень в 1673 г. (922). «Мне, веть, неколи плакать, — обращается он к своим единомышленникам в Поморье в эти же годы, — всегда играю со человеки... В нощи что пособеру, а в день и разсыплю...» (950).

Однако разница между этими редакциями существует, и она заключается не только в разном объеме их текста и большей «дидактичности» *А*: новые по сравнению с *Б* эпизоды редакции *А* создают и новое литературное качество этого текста. Текст *А* не просто подробнее — он много глубже в смысле художественного воссоздания жизни. Диалог с Настасьей Марковной, например, возникающий при возвращении Аввакума из Сибири и воспроизведенный им в редакции *А*, отражает всю сложность психологического бытия героя автобиографического повествования, его сомнения, муки долга и чувства («Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворе! Говорить мне или молчать? — связали вы меня!»). В редакции *А* Аввакум в полной мере ощутил свободу от литературных условностей, он как бы играет с подвластной ему формой повествования, сам созидая и разрушая ее, превращая подчас свое Житие в реальную беседу с читателями (так, в тексте Жития он оставляет чистое место, чтобы получить немедленный отклик Епифания на свой рассказ).

Как же создавались следующие за *Б* редакции Жития?

Выше, рассуждая о времени создания *В*, мы отмечали, что Аввакум иногда оставляет в новом тексте без изменения и старые эпизоды, и старые даты («30 лет как имею священство», — пишет он в 1675 г., переписывая текст 1672—1673 гг.). Этот факт очень важен. Какой бы точки зрения на механизм создания редакции *В* ни придерживаться: полагать, что основная ее часть создана в 1672—1673 гг. и лишь дополнена вступлением в 1675 г. (что кажется невероятным, учитывая общую направленность изменений), или признавать единую обработку и создание нового текста редакции в 1675 г. — несомненно одно: весь этот текст был переработан и переписан самим Аввакумом, который, переписывая его, не внес в хронологию некоторых отрывков никаких изменений, не позаботился о приурочивании своего повествования к 1675 г.

Из установления этого факта вырастает несколько наблюдений.

1. Перед нами очень своеобразное явление: в собственном авторском повествовании сохраняется принцип летописного свода, тексты соединяются без перевода из одной системы времени в другую, они прочно хранят связь с тем именно моментом, когда они были созданы, и связь со средневековым типом повествования.

2. Некоторые факты, сообщаемые Аввакумом, не могут рассматриваться как датирующие для всего произведения в целом, так как он мог брать их из ранее написанных сочинений и переносить, «пересаживать» в новый текст в составе отдельных заимствованных фрагментов.

3. Сохранение в тексте несогласованных с настоящим временем «устаревших» фактов (анахронизмов) свидетельствует о письменной зависимости текстов один от другого, ибо устная композиция произведения, различ-

ных его версий, создаваемых и воссоздаваемых каждый раз заново, по памяти, способствует полной соотнесенности момента повествования и момента говорения.

Это значит, что редакции Жития могут быть рассмотрены как тексты, связанные между собой общностью письменного источника, а не только единством авторского сознания, их породившего.

Сопоставление текстов убеждает в том, что таким источником для создания Аввакумом редакции *А* послужил текст особого вида редакции *Б*, ее стилистический вариант $Б_1$ (или $Б_2$): целый ряд общих чтений, как уже отмечалось выше, связывает эти два текста.

Текст редакции *В* в тех местах, где нет распространений, свойственных только *В*, близок и *А*, и *Б*. Текст *В* как будто бы объединяет редакции *А* и *Б*. В редакции *В* есть целый ряд эпизодов, имеющихся только в *А*: рассказ о встрече с иноземцами на Иртыше, подробное описание «московского бытия» протопопа после сибирской ссылки, обещание дать ему место на Печатном дворе, богатые подарки бояр, рассказ о приходе в Пафнутьев монастырь юродивого Федора и др. В редакции *Б* эти тексты отсутствуют. Но с редакцией *Б* ее объединяет одинаковая композиция заключительной части Жития: в редакции *В*, так же как и в *Б*, нет «эпилога», свойственного *А*, — рассказа о казнях на Мезени и Москве, нет обличения «никониан», заключающего описание казней (сразу вслед за описанием пустозерской казни 14 апреля 1670 г. Аввакум обращается ко всякому «правоверному» с просьбой о прощении за свое повествование).

Аналогичная картина наблюдается и в мелких чтениях текста.

Анализ общих чтений редакций *В*, *А* и *Б* показывает, что с текстом *Б* редакция *В* была связана генетически (обратим внимание на то, что многие эпизоды, отсутствующие в редакции *В*, никак не «мешают» идейной направленности редакции и их нет потому, что ими не располагала редакция *Б*), влияние же текста *А* на редакцию *В*, по-видимому, не было непосредственным, оно не было обусловлено влиянием письменного источника (напомним кстати, что текст редакции *А* Аввакум отослал из Пустозерска в составе Пустозерского сборника). Сходство текстов *В* и *А* объясняется единством творческого сознания автора Жития: все, казавшееся ему существенным, Аввакум включил в редакцию *В* из редакции *А* по памяти.

Этому объяснению как будто противоречит наличие ряда общих для *А* и *В* мелких чтений, иногда дословно совпадающих (например, если в $Б_0$ читаем: «Приидоша в село мое скоморохи с медведьми», то в *А* и *В*: «Приидоша в село мое плясовые медведи», и др.). Объяснить эту связь *В* и *А* можно текстом общего источника, использованного и той, и другой редакцией. Для редакции *А* таким источником был текст $Б_1$, обладающий отдельными чтениями *А*. Он же послужил источником для редакции *В*.

Что же представляет собой Прянишниковский список Жития? Прянишниковский список Жития дошел в составе керженского по происхождению сборника сочинений Аввакума начала XIX в., найденного В. И. Малышевым (ГБЛ, собр. Г. М. Прянишникова (ф. 242) № 61). Состав сборника необычен. Кроме Жития Аввакума особой редакции в нем находятся две челобитных Аввакума царю («первая» и «пятая»), и ряд неизвестных ранее сочинений Аввакума самых последних лет его жизни, причем все эти тексты слиты в рукописи воедино, так что даже трудно иногда провести границу между ними: они производят впечатление переписанных вместе черновых бумаг.

Как показал В. И. Малышев, нашедший и опубликовавший этот текст, Прянишниковский список восходит к автографу Аввакума, содержащему целый ряд новых эпизодов, неизвестных по другим редакциям Жития.[37] По мнению В. И. Малышева, текст Жития подвергся «значительной переработке и сокращению» в конце XVIII в. в Поволжье, причем при переработке были использованы сочинения Аввакума и его единомышленников. В. И. Малышев установил тексты Аввакума и других старообрядческих писателей, параллельные, а иногда дословно совпадающие с текстами Прянишниковского списка.[38] «Значительно сократив „Житие" и включив в него целые отрывки из других сочинений, редактор оставил в неприкосновенности язык и стиль Аввакума... Вся работа редактора в общем свелась к механическому соединению разрозненных частей из различных сочинений Аввакума и других авторов».[39] Эта точка зрения на Прянишниковский список была повторена мной в заметке, комментирующей текст списка в книге «Житие протопопа Аввакума» (ГИХЛ, 1960), причем здесь список был более определенно назван «переработкой не дошедшей до нас редакции».[40] Эти выводы принял и А. Н. Робинсон.[41]

Дальнейшее изучение Прянишниковского списка Жития показало, что он не только содержит новые факты и эпизоды из жизни Аввакума (его рассказы о спорах с Симеоном Полоцким и Епифанием Славинецким и др.), но и действительно является отражением особой редакции Жития, которая имела иное, особое повествование почти обо всех эпизодах Жития.

Как и другие редакции Жития, Прянишниковский список начинается с молитвы троице и вступления, известного по редакции *А* (и *В*), но в конце его полностью отсутствуют дополнительные «повести» о «чудесах», случавшихся с Аввакумом.

Основной принцип повествования в Прянишниковском списке — это изложение самих событий Аввакумовой жизни, и тон описания здесь более суховатый, деловой, чем в других редакциях. Эпизодов-новелл здесь значительно меньше: нет рассказов о «Евфимии Стефановиче», о Петре Бекетове, о Настасье Марковне (ни одного), о курочке, об исцелении младенца — внука Пашкова и т. д. Автора как будто больше интересует само течение событий, чем картинность изображения, и характерными чертами Прянишниковского списка являются логическая связь повествования, своеобразный историзм и документальность.

В каком же отношении находится основное повествование Прянишниковского списка к рассказам других редакций?

В Прянишниковском списке есть такие отрывки, текст которых кажется безусловно первичным по сравнению с текстом других редакций.

Так, например, во всех редакциях Жития рассказывается о присылке Никоном в Казанскую церковь его знаменитой «памяти» — патриаршего указа об изменении некоторых церковных обрядов, что явилось началом реформы церкви, начальным толчком, который развязал ожесточенную борьбу. И во всех редакциях Жития это сообщение о «памяти» прерывается отступлением Аввакума: он как бы сбивается с последовательного

---

[37] Малышев. Заметка, стр. 381.

[38] См.: Комментарий к изданию Жития протопопа Аввакума по Прянишниковскому списку в кн: Житие, ГИХЛ, стр. 447 - 453.

[39] Малышев. Заметка, стр. 381.

[40] [Н. С. Сарафанова]. Житие протопопа Аввакума. Прянишниковский список. (Заметка к тексту) — В кн: Житие, ГИХЛ, стр. 445.

[41] Робинсон. Жизнеописания, стр. 92.

рассказа и начинает вспоминать о своей собственной деятельности в Казанской церкви в это время («...и жил во церкве», «поучение чол безпрестанно» (*Б*) или «чол народу книги» (*А*)). Анализируя эти вставки в редакции *А*, я старалась показать,[42] что они не результат случайного «вяканья», а особый композиционный прием, цель которого противопоставить Никону фигуру его идейного противника — Аввакума, популярного проповедника, «книгочия» и весьма значительного в московской церкви деятеля.

Но независимо от его художественного назначения текст этого отступления производит впечатление вставки, разрывающей некогда единый текст.

Сравним тексты (для сравнения избираем текст редакции *Б*, как более близкий Прянишниковскому списку).

В редакции *Б*: «А се и яд отрыгнул. В пост великой прислал память х Казанской к Неронову Ивану, протопопу. А мне был отец духовной, я у него и жил все во церкве... Поучение чол безпрестанно. — В памяти Никон пишет: Год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает метания в церкве творить на колену...» (96).

В редакциях *А* и *В* текст почти такой же, с незначительными лексическими заменами и перестановками. Но в Прянишниковском списке этой вставки, разрывающей текст, нет: «Во 162-м году, в великий пост, прислал память к Казанской, к Ивану Неронову, протопопу. В памяти Никон пишет: год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает метание в церкви на колену творити...» (314—315).[43]

Аналогичный случай в одном из рассказов о сибирской ссылке. «А се бегут человек с 50: взяли дощаник мой и помчали к нему, — версты с три от него стоял. Я казакам каши наварил, да кормлю их, а оне, бедные, и ядят и дрожат, а иные плачют, глядя на меня, жалеют по мне. Привели дощаник; взяли меня полачи, и поставили пред нево» (*Б*, 104).

Здесь связное повествование опять прервано отступлением, цель которого — создать более сложную, объемную картину. В событийную канву не только введены новые дополнительные сведения о том, где был и что делал Аввакум в это время, но, главное, введен новый фактор оценки деятельности Аввакума — отношение к нему казаков, которые «плачют» и «жалеют» его. Это не только «идеологическое» дополнение автора-публициста, но очень важный художественный прием, впервые возникающий под пером Аввакума, — одно и то же событие изображается у него в связи с разными субъектами действия. Так и здесь действие не однолинейно, в него оказываются втянутыми и Аввакум, и Пашков, и казаки; изображение жизненного факта пытается отразить саму сложность жизненных связей персонажей. Но и здесь это «боковое» действие, создающее объемность изображения, — отступление от основного повествования. В Прянишниковском списке этого отступления нет: «...А се бегут человек с пятьдесят: взяли дощаник мой и помчали к нему, — версты с три от него стоял. Привели дощаник; взяли меня палачи, и поставили пред него» (318).

Но в Житии есть и такие тексты, которые совсем не имеют следов вставки, разрывающей текст, напротив, текст здесь органичен и создает весьма сложную картину «бытия» Аввакума в один из напряженных моментов. Таков отрывок, описывающий заключение Аввакума в «темной полатке» Андроньева монастыря: «...и тут на чепи кинули в темную

---

[42] См.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, стр. 461—462 (в разделе, посвященном анализу Жития).

[43] Текст Прянишниковского списка здесь и далее цитируется по изданию: Житие, ГИХЛ.

полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приалчен, — сиречь есть захотел, — и после вечерни ста предо мною, не вем — ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлебца немношко и штец дал похлебать, — зело прикусны, хороши! — рекл мне: „полно, довлеет ти ко укреплению!“ Да и не стало ево» (*А*, ср. *Б*, 97—98).

Однако сравнение этого отрывка с Прянишниковским списком явственно обнаруживает основной сюжетный «каркас» эпизода: «...и потом кинули во Андроньев монастырь, в пустую полатку в земляную; и три дни в той темнице сидел не ядше. Во исходе третияго дне, не вем — человек, не вем — ангел, меня накормил в темнице, и рекл мне: „полно, довлеет ти ко укреплению“. И не стало ево» (316).

Самое важное в отрывке Прянишниковского списка — это его почти полное совпадение с текстом первой челобитной Аввакума царю Алексею Михайловичу 1664 г.: «И потом во Андроньеве монастыре посадил под полату пустую в землю, и три дня и три нощи на чепи держал без пищи. И о сих всех благодарю, государь бога. Прости, государь, тут мне пищу принесе ангел за молитв святаго отца протопопа Стефана...» (725).

Если в редакции *Б* (как и в *А*, и в *В*) эта сцена заключения Аввакума — отражение целого мира чувств и размышлений героя, то в Прянишниковском списке, как и в первой челобитной, это лишь описание «чуда».

Событийный принцип повествования преобладает в Прянишниковском списке. В нем нет тех эпизодов вершинного мастерства Аввакума, которые делают его Житие произведением, сумевшим раскрыть душу человеческую. Знаменитой сцене с Настасьей Марковной («Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под ребят и под рухлишко дал две клячи, а сам и протопопица брели пеши, убивающеся о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, — кольско гораздо! В иную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: „матушка-государыня, прости!“. А протопопица кричит: „что ты, батько, меня задавил?“. Я пришел, — на меня, бедная, пеняет, говоря: „долго ли муки сея, протопоп, будет?“. И я говорю: „Марковна, до самыя до смерти!“. Она же вздохня, отвещала: „добро, Петрович, ино еще побредем“» (31—32, ср. 110—111) в Прянишниковском списке соответствует текст: «...Пять недель мы с женою рекою брели по го[ло]му льду, убивающеся о лед, гладни и наги. Везли на нартах нужную пищу и робят малых. Я же с детьми зимами промышлял нужную рыбенко и на всяк день долбил пролубей по десятку. Лед же тамо толст намерзает, в человека вышиною. И от тое работы не могу раскорчитца и ныне, да уже так будет и до смерти» (323).

Иногда, наоборот, текст Прянишниковского списка — даже более подробный, чем текст других редакций Жития, но эти «подробности» преследуют отнюдь не художественные, а информационные цели. Например, только в Прянишниковском списке читается подробное описание жизни Аввакума в мезенской ссылке: «...Да и повезли паки с Москвы в Пустозерской острожек с женою, и с детьми, и с домочадцы. А я по городам людей божиих учил, а их обличал, пестрообразных зверей. И бог остановил нас своим промыслом у окияна моря, на Мезени, от Москвы 1700-сот

верст будет. И жил тут полтора года на море с детьми, промышлял рыбу и кормился, благодаря бога. И иное добрые люди, светы, с голоду не уморили, божиим мановением» (327—378).

Этот текст вполне соответствует историческим фактам: Аввакума в 1664 г. действительно сослали в Пустозерск, а в Мезени он оказался случайно, в силу того, что до Пустозерска было не добраться.

В других редакциях Жития этому отрывку соответствует весьма краткое сообщение: «Да и повезли на Мезень. Надавали были во имя Христово, добрые люди кое-чево много, — все тут осталось; токмо з женою и детми и домочадцы потащили. А я по городам людей божиих учил, а их обличал, пестрообразных зверей. И привезли на Мезень. Полтора года держав...» (121—122).

Здесь нет «не работающих» на художественное задание деталей, оставлено лишь самое главное из событийной канвы. И в этом случае, хотя он кажется противоположным рассмотренным выше, мы наблюдаем осуществление того же самого принципа художественного воссоздания действительности, который в Прянишниковском списке не является основным и последовательно выдержанным.

Текст Прянишниковского списка иногда более «откровенный», как будто еще недостаточно обработанный автором, написанный сгоряча и отражающий его действительные мысли и чувства.

Сравним описание заключения Аввакума в Братском остроге. В Прянишниковском списке: «Таже привезли в Братцкой острог, кинули больнова в студеную башню. И сидел до рожества Христова, мерзнул на морозе семь недель. Только и одежды кровавое кафтанишко, да бог грел: в соломке лежал; да после шубенко дали, утомя гораздо. Гной по всему и вши, и мыши, и стужа, и ясти хочется. В щелку гляжу, а у Пашковатаво прягут да жарят и носят на блюдах, и пиют, и веселятся. А ко мне никто не заглянет, ничево не дадут — дураки! Я бы хотя блюдо то полизал или помоев-тех испил, — льют на землю, а мне не дадут. Всяко бродит на уме-том...» (320).

В других редакциях Жития этот эпизод включен в систему христианского мировоззрения Аввакума; вслед за «бунтом» его — ропотом на бога за несправедливое наказание — возникает чувство раскаяния, и кротость героя становится искуплением его вины. В них сцена заключения Аввакума — благостная: «Посем привезли в Брацкой острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья. Что собачка, в соломке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил, — и батошка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «прости!» — да сила божия возбранила, — велено терпеть» (*Л*, 24—25, ср. *Б*, 106).

Эта «откровенность» Аввакума проявляется во многих местах Прянишниковского списка. Только здесь Аввакум сообщает, что он сам подписал в 1652 г. челобитную царю о Никоне, «чтобы ему быть в патриархах» («И я, окаянный, о благочестивом патриархе к челобитной приписал свою руку», 313).

Только в Прянишниковском списке Аввакум называет себя «убийцей» за то, что «молил» бога послать гибель войску Еремея Пашкова («Я им, убийца, молил о том бога», 325). Только в Прянишниковском списке Аввакум «проговорился» о помощи Пашкова при возвращении его из «Даурской земли». Во всех других редакциях Жития читаем: «Перемена пришла, и мне грамота пришла, и он [от] меня утаил, на Русь не отпустил, чаял, меня прикончать. Таже он поехал на Русь, меня не

взял, умышляя во уме: „Хотя, де, един после меня и поедет, ин, де, ево иноземцы убьют". Он в дощениках плыл с ружьями и с людьми, а я, месяц после ево спустя, набрал болных и старых и раненых, кои там негодны, человек с десяток, да я з женою и детьми — 17 нас человек, в лодку седши, уповая на Христа, и крест поставили на носу, поехал, ничево не боясь. Кормчию книгу прикащику дал, и он мне мужика вожа кормщика дал здорова... Прикащик мучки дал на дорогу гривенок с тритцеть, да коровку, да овечек с 5, 6, мясцо иссуша; тем лето питалися пловучи» (*Б*, 117—118).

Пашков выступает в этом повествовании как законченный злодей, давно помышлявший о смерти Аввакума. И одновременно Аввакум использует этот рассказ для создания атмосферы особого покровительства «божия», которым он, безоружный и беспомощный, пользовался во время этого путешествия. И снова — общественная поддержка: Пашков замышлял зло, а приказчик помог.

Из текста Прянишниковского списка выясняется, что именно Пашков, а не приказчик, снабдил Аввакума и его семью продовольствием: «Перемена ему пришла, и мне грамота пришла, а преже тово грамота пришла, и он от меня утаил, на Русь меня не отпустил, чаял меня прикончать. И злобящеся на меня, оставил в Даурской земли, а сам поехал в Рускую землю, умышлял во уме: „Хотя, де, он после меня и поедет, инь, де, ево иноземцы убьют". Но божиим промыслом, на поезде с сердца дал мне с молоком корову, да овец, да коз стадо оставил. И жена моя корову доила с дочерью, а я с меньшим сыном, что мученик Мамант козы дояще, и накопили на дорогу сыров, и насушили мяса коровья, и овечья, и козья. Он, Пашков, в дощаниках плыл с людьми и с ружьем. А я, спустя недель с десяток,... набрав больных и старых и раненых...» и т. д. (325).

Этот рассказ, по-видимому, больше соответствует действительности и характеру воеводы Пашкова, и таким образом, непоследовательность Прянишниковского списка в изображении Пашкова — «документального» происхождения.

Для точно датируемых редакций Жития Аввакума — *А* и *В* — можно отметить явную тенденцию усиления черт злодейства в облике Пашкова, его все более сильную «агиографическую» стилизацию. Так, в редакции *В* по сравнению с *А*, которая в общем совпадает с текстом *Б*, приведенным выше, есть новая подробность: Пашков не только «умышлял в уме», но, оказывается, и вслух говорил «на поезде»: «„здесь, де, земля не взяла, на дороге, де, вода, у меня приберет". Среди моря бы велел с судна пехнуть, а сказал бы, бытто сам ввалился; того ради и сам я с ним не порадел» (*В*, 191). Аввакум, таким образом, в новой редакции (*В*) прямо инкриминировал Афанасию Пашкову угрозу убийства, о которой раньше в редакции *А* (и *Б*) ничего не писал. Здесь уже были неуместны воспоминания о том, что Пашков перед отъездом дал ему «с молоком корову, да овец, да коз стадо оставил». И фигура Пашкова — «доброхота», на долю которого теперь осталась только черная краска, была заменена приказчиком. Первоначальность Прянишниковского списка здесь налицо.

Но самые примечательные и важные отрывки Прянишниковского списка, которые, безусловно, отражают первоначальный текст Жития — это такие отрывки, где есть пояснения событиям, отсутствующие в других редакциях.

Так, во всех редакциях Жития Аввакум сообщал о своей отправке из Тобольска на Лену следующее: «...Посем указ пришел: велено меня ис Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укоряю ересь

Никонову» (*Б*, сходно *А* и *В*). Но в рассказе о жизни в Тобольске он ничего не сообщал о своем обличении «Никоновой ереси». В Прянишниковском же списке сохранилась и начальная часть этих рассуждений Аввакума: «...В Тобольске жил полтора годы, у церкви проповедая слово божие и ево Никонову обличая ересь... Егда же услышал Никон мое обличение о нем в Тобольске, что браню от писания и укоряю ересь ево, и посем пришел указ от Никона в Тобольск, велено меня вести на Лену» (317).

Еще более убедительный пример первоначальности Прянишниковского списка — описание в нем бунта горожан в Юрьевце-Повольском против протопопа, отличающееся от описания в трех других редакциях Жития. В редакции *Б* (сходно в *А* и *В*) читаем: «...государь меня велел поставить в Юрьевец в протопопы. И тут пожил немного, — только осмь недель: диявол научил попов и мужиков и баб, — пришли к патриархову приказу, где я духовныя дела делаю, и, вытаща меня ис приказу собранием, — человек с тысящу и с полторы их было, — среди улицы били батожьем и топтали; и бабы были с рычагами... Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят...» (95).

Действительная мотивировка бунта в рассказе почти утрачена, только в конце появляется намек на причины возмущения: «Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят...». Но, может быть, те, которых он унимал от «блудни», только «вопят» сильнее других («наипаче же ... вопят»)? А основная причина — «диявол», который «научил мужиков и баб»?

Прянишниковский список сохранил объяснения истинных причин бунта: «...государь меня велел поставить в Юрьевец Повольской в протопопы. И по государеву указу велели духовныя патриарховы дела ведать, живучи у церкви. Аз же внимах о исправлении людском; людие же одержими пиянством зело и исполнени блудных дел и убийства. Аз же, окаянный, учих словом божиим, а не покаряющихся истинне и от блудных дел престати не хотящих воспящая смирением на дворе патриархове. Оне же рассвирепев, на мя собравшеся, человек тысящи с полторы и больши, вытащили меня из патриарховы избы и били ослопьем и кинули замертво под избным углом. И помале приехал воевода, оттащил меня в дом мой, поставил и сторожу, — аз же отдохнув. Людие же ко двору приступают и по граду молва велика, наипаче же попы и жены, которых унимал от блудни, вопят...» (312—313).

Иногда Прянишниковский список сохранил лучший текст, испорченный в последующих редакциях Жития (даже в автографах!).[44]

И в редакции *А*, и в *В*, и в *Б* содержится текст с явным пропуском: описывая обращение с челобитной к царю по поводу избрания патриарха в 1652 г. после смерти патриарха Иосифа, Аввакум сообщил: «Посем Никон, друг наш, привез из Соловков Филиппа митрополита. А прежде сего приезду Стефан духовник моля бога и постяся седмицу з братьею, — и я с ними тут же, — о патриархе, да же даст бог пастыря ко спасению душ наших, и с митрополитом казанским Корнилием, написав челобитную за руками, подали царю и царице, — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам, и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал...» (*А*, 14). Так читается и в *В*, и в *Б*.

Заметна несогласованность текста: Стефан Вонифатиев «молит бога» о патриархе, он же «з братьею» подает челобитную «о духовнике Стефане», и «он же не восхотел сам». Очевидно, что челобитная царю была

[44] Можно указать целый ряд пропусков и описок Аввакума и в автографе *А*, и в автографе *В*.

написана не им, и не от его имени, а кем-то вместе с митрополитом Корнилием. Разъясняет текст Прянишниковский список: «И во 160-м году изволением божиим преставися Иосиф патриарх, и бысть на его место избрание. И духовник Стефан протопоп моля бога и постяся седмицу с братьею, — и аз с ними тут же, — о патриархе, да же даст бог добраго пастыря ко спасению душ наших на место Иосифа патриарха. Потом мы с митрополитом Казанским Корнилием, написав челобитную за руками, подали челобитну царю и царице о духовнике Стефане, чтобы ему быть в патриархах. Он же не восхоте сам, указал на Никона, Новгородскаго митрополита, понеже он обольстил святую душу ево, являяся ему яко ангел, а внутрь сый диявол. Протопоп же Стефан увеща царя и царицу да поставят Никона на Иосифово место. Царь же и послушал...» (313).

Этот текст не только обособляет Стефана Вонифатьева от писавших челобитную, сохраняя выпущенное впоследствии уточнение («Потом мы...»), но и объясняет причины, почему протопоп Стефан «указал на Никона». Как мы видели выше, стремление объяснить как раз сопутствует первоначальному тексту. Отметим к тому же, что Прянишниковский список сохраняет хронологическую последовательность сообщений: смерть патриарха Иосифа, молитвы о новом патриархе, сообщение о том, что Никон, на которого пал выбор, находится в это время на Соловках. Композиция этого отрывка в других редакциях иная: сначала сообщается о возвращении Никона, а уже потом, возвращаясь к предшествующему времени, Аввакум сообщает о молитвах, спорах и выборе кандидатуры нового патриарха. Следует обратить внимание на использование здесь своеобразных летописных формул в начальных фразах — указания точных дат: «И во 160-м году...», «Во 162-м году, в великий пост» и др. Эта летописная хроникальность не только соответствует общему принципу повествования в Прянишниковском списке — по событиям в их временной последовательности, но близка к первоначальному варианту Жития инока Епифания — его автобиографической записке (там читаем: «Во 153-м году...», «И во 162-м году...», «Во 173-м году»).[45]

Кроме этого, основного слоя повествования, близкого, как отмечал уже В. И. Малышев, редакции *Б*,[46] Житие по Прянишниковскому списку обладает большим количеством новых «включений» в текст из других сочинений Аввакума. Главной особенностью Прянишниковского списка является использование автобиографических записок Аввакума и эпизодов из его биографии, известных по его письмам и посланиям. Однако можно ли считать эти записки чуждым Житию элементом повествования, позднее наслоившимся на основной текст Жития? Анализ текста и композиционной структуры повествования убеждает в том, что текст Прянишниковского списка — это попытка ввести автобиографические рассказы Аввакума, отдельно существующие, в общую систему повествования о жизни Аввакума. Иногда это удавалось (записка о возвращении с Мезени, или рассказ о видении, известный по пятой челобитной царю), а иногда текст попадал не на место (записка о последних увещаниях попала в текст, повествующий о событиях 1666 г., в то время как она описывает события июля 1667 г., непосредственно перед ссылкой Аввакума, и др.). Автобиографические записки писались Аввакумом сразу после важнейших событий его жизни,[47] включались иногда в его послания, не

---

[45] См.: Материалы для истории раскола, т. VII, стр. 53, 54, 58.

[46] Малышев. Заметка, стр. 384.

[47] См. об этом специальную статью: Н. С. Демкова. К вопросу об истоках автобиографического повествования в Житии Аввакума. — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, стр. 228—232.

дошедшие до нас, писались задолго до Жития (первые автобиографические записки Аввакума о событиях 1667 г. были использованы уже иноком Авраамием в «Христоаноопасном щите веры», составленном в конце 1669 г.). Аввакум осознавал эти «записки» как особый жанр и не вводил их впоследствии в текст Жития, так как описания событий своей жизни в Житии он подчинил принципам не мемуарного, а сюжетного повествования. Но здесь, в Прянишниковском списке, замысел сюжетного контура Жития у Аввакума только намечался, и записки были включены в текст.

Житие в Прянишниковском списке было слегка обработано поздним редактором — ему принадлежит переделанное заглавие («Собрано вкратце...») и эпилог — сообщение о казни Аввакума в 1682 г. Высказывавшееся предположение об участии этого редактора в композиции самого текста — в использовании им текстов других старообрядческих писателей — Епифания, Федора, Авраамия — трудно доказать, так как хотя такие включения в тексте Прянишниковского списка и есть, но сделаны они настолько искусно, что нет оснований видеть в них следы позднейшей редактуры XVIII в. «Составителем» мог вполне быть сам Аввакум (известны случаи использования Аввакумом в собственном тексте чужих сочинений).

К тому же ряд текстов сейчас еще и нельзя атрибутировать с несомненностью, так как другие писатели-старообрядцы сами могли использовать текст Аввакума.

При датировке редакции обратим внимание и на то, что хотя в Прянишниковском списке также упоминаются события 1672 г. (чудо с Лазарем, которому «по дву летех» всемилостивый господь паки дал язык совершенной»), но здесь же встречается и самая ранняя для Жития дата — 1669 г.: «Отселе стану сказывать верхи своим бедам, а о всех недостанет ми лета повествовати, колико случилося в 22 лета от буих человек» (311). Известно, что конфликты Аввакума с «начальными людьми» и прихожанами начались в 1647 г., с событий 1647 г. Аввакум вел счет своим «бедам» и в первой челобитной Алексею Михайловичу.

Предположение о первоначальности текста редакции в Прянишниковском списке хорошо поддерживается текстологическими данными. Текст его наиболее близок редакции *Б* — первой из трех последующих редакций: в особом варианте редакции, в тексте $Б_1$, сохранилось даже начало, присущее только Прянишниковскому списку («Начало книги сея бытия...»). Это же заглавие Жития читается еще в одном тексте — в списке ГПБ, собр. А. А. Титова № 2670. Небольшой отрывок из вступления к Житию, сохранившийся в дефектном виде в списке конца XVII— начала XVIII в., оказался началом первоначальной редакции Жития: его текст соответствует источнику Прянишниковского списка и очень близок тексту архетипа редакции *Б*.

Сопоставление Прянишниковского списка с редакцией *Б* показывает, что текст редакции *Б* был качественно новым этапом в творческой истории Жития: весь материал жизнеописания Аввакума, раскрывающегося теперь в серии эпизодов-новелл, был подчинен не документально-историческим задачам, а задачам художественного повествования. Дополнительные рассказы — воспоминания Аввакума, организованные в цикле повестей о «бесноватых», теперь композиционно завершали его Житие. Однако уже первоначальная редакция Жития предполагала существование Жития Епифания: Прянишниковский список сохранил обращение к нему в конце Жития.

Все эти факты, вместе взятые, позволяют предположить в Прянишниковском списке начальный этап работы Аввакума над Житием.

Таким образом, в творческой истории Жития было несколько этапов:

1. Автобиографическое повествование в письмах, посланиях, записках (1664—1669 гг.).

2. Создание первоначальной редакции Жития, протографа Прянишниковского списка (1669—1672 гг.).

3. Создание качественно нового типа повествования Жития, где преобладают эпизоды-новеллы, — создание протографа редакции *Б* (1672 г.).

4. Стилистические варианты этого текста — сохранились в $Б_1$ и $Б_2$.

5. Создание текста Жития, помещенного в Дружининском Пустозерском сборнике, — создание редакции *А* (первая половина 1673 г.).

6. Создание текста Жития, помещенного в другом Пустозерском сборнике (сборник Заволоко), — создание редакции *В* (1675 г.).

Сопоставление всех четырех редакций Жития обнаруживает некоторую подвижность и изменчивость сюжетного контура памятника, который несколько менялся в связи с эволюцией автобиографического повествования Аввакума: он был лишь намечен в первоначальной редакции, представляющей собой переход от мемуарного повествования к сюжетному, в основном сформировался в редакции *Б*, наиболее законченный вид получил в редакции *А* и начал разрушаться в тексте *В* в связи с автобиографическим заданием редакции. Однако во всех редакциях есть общий слой эпизодов, составляющих основу построения сюжета Жития.

Рассказ Жития строится таким образом, что в центре повествования оказывается несколько узловых эпизодов-новелл (описание заключения в Андроньевом монастыре, спор с Афанасием Пашковым, диалог с Настасьей Марковной, сцена собора 1667 г. и др.), именно они несут основную смысловую и художественную нагрузку, являясь не только законченными повестями в составе Жития, но и существенными элементами единой идейно-художественной системы произведения, этапами в нравственном формировании личности героя Жития. Именно их совокупность создает определенную, Аввакумову «концепцию действительности».

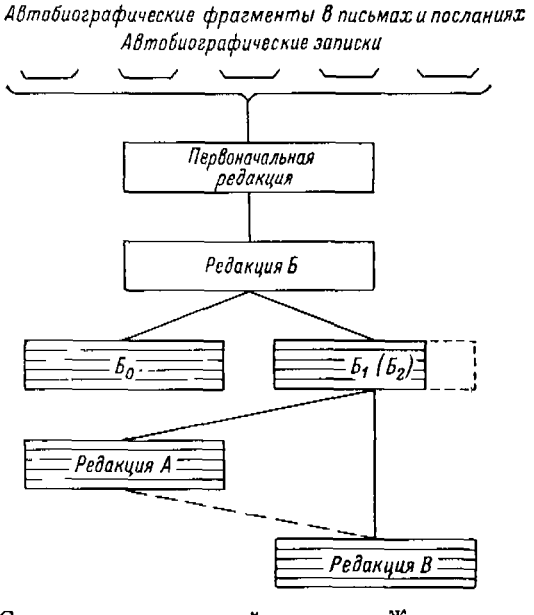

Схема взаимоотношений редакции «Жития» протопопа Аввакума